

Тереза Авилльскаякая

страсть ко Христу

ТЕРЕЗА АВИЛЬСКАЯ^[1], ЖИВШАЯ В XVI ВЕКЕ, СТАЛА первой женщиной-богословом, получив в Католической церкви титул «Учителя Церкви» и кроме того, она стала первой женщиной-писательницей в Испании. Все это происходит во времена и в обществе, где явно доминирует мужское начало. Очевидно, ее труды, которые имели практический, а не теоретический характер, содержащие тонкие психологические переживания, были достаточно глубоки и не привязаны к ее времени.

Наиболее лаконично и точно описала биографию Терезы Наталья Трауберг в Новой философской энциклопедии: «Тереза Иисусова (Teresa de Jesus), Тереса де Сепеда и Аумада (Teresa de Cepeda y Ahumada) (28 марта 1515 — 15 октября 1582) — испанский мистик, основательница ордена босых кармелиток. В 1970 году причислена к учителям Церкви. Родилась в знатной семье. Уже в детстве отличалась живым умом, пылкостью нрава и личным благочестием. 2 ноября 1536 она поступила в кармелитский монастырь в г. Авила (год предположителен). Около 20 лет Тереза провела в мучительных духовных борениях и с 1560 года лелеяла мысль основать другой монастырь, где жизнь больше соответствовала бы Евангелию.

---

^[1] Имя «Тереза» традиционно транскрибируется не совсем корректно. В испанском языке нет буквы «з» поэтому во многих изданиях можно встретить ее имя как «Тереса».

После многих испытаний в 1567 ушла с несколькими сестрами и до конца жизни основывала свои обители так называемых босых кармелиток. По велению духовника написала несколько книг, главные из которых — «Книга [о] моей жизни» (1562—1565, *опубл.* 1588), «Путь совершенства» (1573) и «Внутренний замок» («*Семь обителей*», 1577; *рус. пер.* Брюссель, 1992).

Первое видение было у нее, по-видимому, в 1558 году. Видения эти были чисто духовными (по ее словам, «не глазами тела и не глазами души»). Дальнейший опыт существенно отличался от мистики эллинского типа, сближаясь с боговидением пророков. Общения ее с Христом лишены того «имманентизма», в котором ее нередко обвиняют. Описывая свою мистическую жизнь, Тереза пытается выразить невыразимое; отсюда — и мнимые противоречия, и развернутые метафоры в истинно библейском духе. Уровни молитвы («молитва покоя», «молитва единения») или попытка сказать о вечности («навек», «para siempre») и т. п. не поддаются формализации.

Терезу нельзя назвать философом в обычном смысле слова; попытки связать ее с определенной богословско-философской традицией, томистской или августино-францисканской, весьма натянуты. Роль ее в истории мистики и в истории испанского языка огромна. Детскую покорность Богу она сочетала с исключительной свободой. Мысли и слова о том, что христианин должен нравиться людям (букв. «развлекать» или «привлекать

Тереза Авильская (1644).

людей»), полное неприятие важности и фальши являются совершенно евангельскими по своему духу. Ее юмор сочетает детскую непосредственность со взрослой зоркостью, а главное — со смелым и смиренным взглядом на себя. По слову ее первого агиографа, она была «как бы стеклянной», обладая той повышенной чувствительностью, которую западная аскеза сублимирует, но не уничтожает. Тереза причислена к лику блаженных в 1614 году, святых — в 1622 году.^[2]

Терезе было около 20 лет, когда она тайно, против воли отца бежала в кармелитский монастырь «Благовещение», но вскоре заболела странной болезнью, по виду похожей на паралич, настолько тяжело, что ее несколько дней даже считали уже умершей, но постепенно она вышла из этого состояния, хотя еще долго была парализованной. Это переживание помогло ей принять окончательное решение — полностью посвятить себя Христу. Вот как описывает ее обращение Антонио Сикари в книге «Портреты святых»:

^[2] Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. — М., Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 55.

«Однажды, возвращаясь с одной из тех духовных бесед, которые ее отныне лишь смущали и обедняли, она проходила перед образом бичуемого Христа, который случайно принесли в монастырь для праздничного богослужения».

Вот рассказ самой Терезы: «... Как только я на Него взглянула, я ощутила такую боль, такое раскаяние из-за

Господу и любовью к ближнему внезапно разрешилось, когда она непосредственно, живо, как будто с глаз ее упала пелена, осознала, что Христос — это одновременно наш Бог и наш ближний, вечность, вошедшая во время, друг, с Которым можно жить рядом, разговаривать, проводить время как с любим другим другом и лучше.

«Кто делает усилия, чтобы взойти на вершину совершенства, тот никогда не всходит на эту вершину один, но всегда ведет за собой, как доблестный вождь бесчисленное воинство». (Тереза Авильская)

неблагодарности, которой я отвечала на Его любовь, что мне казалось, будто у меня разрывается сердце. Я бросилась к Его ногам, обливаясь слезами и умоляя Его даровать мне милость не оскорблять Его более». Почти в то же время Тереза встретила с молодым священником, который, исповедуя ее, помог ей судить себя не с точки зрения зла, которое она делала или которого не делала, но с точки зрения добра, которому она могла воспрепятствовать, противодействуя избыльному излианию благодати Божьей.

Это было подобно новому рождению; Тереза говорит об этом как о начале «новой жизни». Она пережила глубокое обращение, которое трудно описать, но о котором можно было бы в самых простых словах сказать так: древнее противоречие между миром Божьим и человеческим, между вечностью и временем, между любовью к

Кроме того, она поняла, что Христос — это центр, где может и должно вновь сосредоточиться все».^[3]

После этих событий Тереза решила полностью посвятить себя молитве и реорганизации монастырской жизни. Говорят, что она прошла по Испании сотни километров, основывая новые монастыри с очень строгим уставом, встречая сопротивление и критику официальных церковных служителей. Новая ветвь в кармелитском ордене получила название «босоногие», потому что они носили открытые сандалии, отказываясь от теплой обуви. «Папский нунций Сега дал клятву покончить с босоногими, подчинив их начальству нереформированной ветви и освободив от вредоносного влияния Терезы де Хесус, которую назвал “надоедливой женщиной-бродягой, посвятившей себя сочинению книг вопреки повелению апостола Павла: “жёны ваши в церквях да молчат”, и основанию монастырей без папского разрешения”».^[4]

Летом 1567 года 52-х летняя Тереза обрела двух помощников, также же-

^[3] Сикари А. «Портреты святых», т. 2. — «Христианская Россия», 1998. — С. 47.

^[4] <http://galactika.info/johann-kresta-therea-avila/>

лавших реформировать орден кармелитов. Один из них, 25 летний Хуан Йепес (1542–1591), впоследствии — Хуан де ла Крус (Иоанн Креста), — стал величайшим поэтом Испании, который еще категоричнее, чем сама Тереза отвергал материальный мир, плотское начало, «живой поток бытия».

Мистический опыт Терезы Авильской наиболее полно отражен в трех ее основных работах^[5], о которых писала Н. Трауберг. Джордан Омэнн так описывает учение Терезы: «Воспользовавшись Внутренним замком в качестве путеводителя, проследим путь возрастания в молитве в представлении св. Терезы.

Она изображает душу как замок с многочисленными покоями или обителями, в центре которого восседает на троне Христос-Царь. Достигающий успехов в молитвенной практике, переходит из одной обители в другую, пока не пройдет через семь и не попадет, наконец, в самую сокровенную комнату. За стенами замка полная тьма, а в окружающем его рве кишат в грязи мерзкие твари. Решивший последовать путем молитвы и отрекающийся от всего тварного, попадает в замок и начинает молитвенное восхождение, которое проходит через три первые стадии деятельной или аскетической молитвы, а затем через четыре стадии пассивной или мистической молитвы. Как же понимает св. Тереза молитву?

«По-моему, — говорит она, — мысленно творимая молитва есть не что иное, как дружеская беседа, часто проходящая наедине с Тем, Кто, как нам известно, любит нас». Это наполненный любовью диалог друзей, а

^[5] «Книга [о] моей жизни», «Путь совершенства» и «Внутренний замок».

восхождение в молитве является прямым свидетельством возрастания в духовной жизни. Признавая значение познания, св. Тереза, однако, настаивает на том, что возрастание в молитве состоит не столько в продолжительных размышлениях, сколько в том, чтобы любить больше. Кроме того, подобно св. Иоанну Креста, она страстно защищает добровольность души в подчинении действию Святого Духа. Именно поэтому она всегда во всеоружии для защиты души от тирании установленного метода. Тереза не отождествляла духовную жизнь в целом с молитвенной практикой; она рассматривала многие другие темы, такие как: самопознание, смирение, братская любовь, духовное руководство, духовная дружба, аскетизм и апостольство.

Намереваясь теперь проследить путешествие по стадиям молитвы, описанным во Внутреннем замке, мы обнаруживаем, что в первом «покое» или в первой обители молящийся пребывает в состоянии новонаначального, живущего благодатно, но все еще крепко связанного с вещами земными, а потому всегда находящегося под угрозой отпадения от своих добрых порывов. Молитвенная практика на этом этапе представляет собой исключительно молитву, произносимую вслух.

Попадая во второй «покой», молящийся всерьез приступает к мысленно творимой молитве, хотя часто случаются периоды сухости и препятствий, подталкивающие душу к отказу от борьбы. Характерная для этого этапа молитва — дискурсивная медитация. <...>

Перейдя в третий «покой», человек вступает в последнюю стадию есте-

ственной или стяжаемой молитвы, называемой молитвой стяжаемой сосредоточенности. Это — осознание присутствия Божия, являющееся настолько живым и ясным, что все способности соединяются в состоянии сосредоточенности и внимания к Богу. <...>

«Господи, — скажет Тереза, — когда Ты жил на земле, то женщин не презирал, потому что находил у них столько же любви к Тебе и больше веры, чем у мужчин».

В четвертом «покое» молящийся знакомится с первым типом мистической молитвы, молитвы сверхъестественной, ниспосылаемой свыше, называемой общим термином — молитва покоя. Именно ниспосылаемая или пассивная сосредоточенность состоит по существу в сокровенном соединении разума с Богом, так что душа наслаждается ярким и живым осознанием Божьего присутствия. <...>

Цель божественного воздействия на душу — уловить все способности души и сконцентрировать их на Боге. Следовательно, в пятом «покое» молящийся узнает молитву соединения, которая допускает много степеней интенсивности. В молитве простого соединения все способности души собираются в Боге. Тогда человек осознает присутствие Бога в такой мере, «что, глядя внутрь себя, уже не сомневается в том, что он в Боге, а Бог — в нем».

^[6] Омэнн Д., О.Р. Христианская духовность в католической традиции. — Рим-Люблин: Издательство Святого Креста, 1994. — 416 с.

По мере того, как Бог все больше и больше овладевает душой и наполняет ее Своим светом и утешением, человек переживает молитву экстатического соединения, которая являет собой вход в шестой «покой» и введение в «мистическое обручение». Здесь — на высотах мистической молитвы — как и на высших ступенях молитвы аскетической, попускаются большие искушения и страдания с той лишь разницей, что теперь это мистическое или пассивное очищение. <...>

Затем, в седьмом и последнем «покое», приходит осознание Мольбы Христа к Своему Небесному Отцу: «Да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне» (Ин 17; 22-23). Это — состояние мистического брака или преображающий союз, и Тереза утверждает, что мистическое обручение и мистический брак настолько близки, что шестой и седьмой «покой» вполне можно было бы объединить».^[6]

Многие православные богословы критически относились к подобной молитвенной практике, считая «прельщением» способность вызывать во время молитвы яркие психологические переживания в душе молящегося и принимать их за божественную реальность. Ссылаясь на резко критические заявления Игнатия Брянчанинова и на высказывания (хотя и менее критические) Феофана Затворника, Андрей Кураев в книге «Вызов экуменизма» пишет: «Интеллектуальная медитация православия ближе к еврейским истокам христианства (в Библии важнее слово, а не зримый образ; в ней созерцаются повеление и смысл, а не облик Повелевшего; в ней уразумение, а не эстетическое любование). Католическая медитация со зримым образом ближе не столько к библейскому наследию,

сколько к скульптурности греческой эстетики. Но дело не в близости к тем или иным культурным образцам. Дело в том, какие получаются плоды. Слишком эмоциональная католическая медитация приводит к тому, что в область собственно религиозную вторгаются пробужденные ею человеческие эмоции, которым совсем не место в религии (по крайней мере — в непретворенном виде). И итог оказывается с точки зрения православного святоотеческого опыта просто пугающим. А с точки зрения светской психологии — напротив, очень понятным и знакомым, совершенно не мистическим, а очень даже мирским...»^[7]

Действительно, кульминацией мистического опыта Терезы Авильской и ее последователя Иоанна Креста было богосупружество, когда мистик переживает брачное соединение человека с Богом, которое есть «нечто не только духовное, но и плотское, потому что есть величайшее явление человеческой Личности, а Личность — весь человек, с духом и плотью».^[8]

Вершину единения со Христом Тереза описывает как опыт, который начался у нее с «Пронзания сердца» трансверберации, когда херувим проколол ее сердце огненным копьем.

В своей автобиографической книге «Моя жизнь»^[9] она пишет (Глава 29): «16. Нашему Господу было угодно, чтоб я время от времени имела видение подобного рода: я видела ангела рядом со мной, с левой стороны, в телесном состоянии. Так мне видеть его было очень необычно, хоть такое

уже случалось. Хотя мне нередко являются видения ангелов, все же я представляю себе их только как умственное видение, как я говорила прежде. Это была воля нашего Господа, чтоб в этом видении я увидела ангела таким образом. Он был небольшим, но тонкой фигуры, и красивее всех — его лицо жгучее, как если б он был одним из высших ангелов, который, кажется, весь — огонь: они должны быть теми, кого мы называем херувимами. Свои имена они никогда не говорят мне; но я вижу очень хорошо, что есть на небесах тоже большое различие между одним ангелом и другим, и между одними и другими, что я не могу объяснить.

17. Я видела в его руке длинное копье из золота, и на железном острие там, казалось, был небольшой огонь. Он явился мне, тыкая его время от времени в сердце и пронзая самые мои внутренности; когда он вытаскивал его, он, казалось, вытягивал наружу их тоже, и оставлял меня всю в огне с большой любовью к Богу. Мучение было таким большим, что это заставляло меня стонать; и все же такой превосходной была сладость этого чрезмерного мучения, что я не могла желать быть избавленной от этого. Душа моя не удовлетворится теперь ничем меньшим, чем Бог. Мучение это не телесное, а духовное; хотя тело имеет свою долю в этом и даже весьма большую. Это есть ласка любви, столь приятная в связи с теперь имеющим место между душой моей и Богом, что я молю Бога в Его совершенстве дать это переживание тем, кто может подумывать, что я лгу».

^[7] Кураев А. В. Вызов экуменизма / Диакон Андрей Кураев. — [3-е изд., испр. и доп.]. — М.: Грифон, 2008. — 477 с.

^[8] Посаженикова О.И. «Сердце Огненного Мира» <http://www.stihi.ru/2013/02/16/9787>

^[9] Книга Терезы Авильской «Моя жизнь» полностью не переведена на русский язык. Здесь цитаты приводятся по английскому переводу Давида Левиса размещенного на сайте <http://www.gutenberg.org/ebooks/8120>

Говоря об этом переживании, Дмитрий Мережковский не может не заметить: “Если бы нечестивая, но опытная в любви женщина увидела ее в эту минуту, то поняла бы, или ей казалось бы, что она понимает, что все это значит, и только удивилась бы, что с Терезой нет мужчины; а если бы и в колдовстве была эта женщина опытная, то подумала бы, что с Тере-

и тщательных исследователей жизни и творчества Терезы Авильской, Дмитрий Мережковский, писал: “То же почти, что сделал Данте для Италии, а Лютер — для Германии, сделает и св. Тереза для Испании: первая или одна из первых заговорит не на школьном, мертвом, латинском языке, а на живом, простонародном, старокастильском, *El habla vulgar*.

*«Неустанно желай во всем подражать Христу,
 стараясь уподобить свою жизнь Его жизни, над которой ты
 должен постоянно размышлять, чтобы научиться подражать Ему
 и поступать во всем, как поступал Он (Ин. 13:15)».*

(Тереза Авильская)

зою вместо мужчины тот нечистый дух, которого колдуны и ведьмы называют «Инкубом»”.^[10]

Намек Мережковского довольно ясен. Гениальный скульптор Джованни Бернини изобразил эту кульминационную сцену в жизни Терезы в виде скульптуры, которую искусствоведы назвали «Экстаз Терезы Авильской»^[11] и которая подчеркивает неоднозначность ее переживаний. Все это привело к отрицанию подобной практики многими православными философами и богословами,^[12] однако имя Терезы и ее переживания очень популярны у представителей теософии, Живой этики и Нью-Эйдж.

Тереза Авильская оказала большое влияние не только на развитие мистики и аскетики, но и на литературу. О ее вкладе в развитие испанской литературы один из самых страстных

«Я пишу, как говорю, — так просто, как только могу... Больше всего я люблю в писаниях моих ясность, точность и простоту». Это говорит испанский гуманист, Жуан де Вальдес, современник св. Терезы, в своем «Диалоге о языке» («*Dialogo de la lengua*»). «В книге этой (“Жизни”) я говорю так просто и точно, как только могу, о том, что происходит в душе моей», — скажет и св. Тереза теми же почти словами, как Вальдес. «Я ничего не буду говорить, о чем не знала бы по моему собственному или чужому опыту». Это, впрочем, ей не всегда удастся. Женское многословие — главная причина ее неудач, и это она сама сознает: «Я всегда страдала тем, что для выражения мыслей мне надо было очень много слов». «Я только умею болтать». «Я как эти птицы (попугаи или скворцы), которых люди учат говорить: не понимая слов, я их

^[10] Мережковский Д.С. Св. Тереса Иисуса // Мережковский Д.С. Реформаторы. Испанские мистики. — М.: Республика, 2002. — С. 69

^[11] Скульптура выполнена из белого мрамора в 1645—1652 годах Джованни Лоренцо Бернини по заказу венецианского кардинала

Федерико Корнаро и находится в капелле Корнаро в римской церкви Санта-Мария-делла-Витториа.

^[12] А.Ф. Лосев называет практику трансверберации — католической эротоманией, а Терезу считал истеричкой.

только повторяю». «Трудно говорить о самом внутреннем, а так как трудность эта соединяется у меня с глубоким невежеством, то я наговорю, конечно, много лишнего, прежде чем скажу то, что надо сказать. Часто, когда я беру перо в руки, у меня нет ни одной мысли в голове, и я сама не знаю, что скажу». «Но Бог делает, чтобы это хорошо было сказано. Если же иногда я говорю глупости, то этому не должно удивляться, потому что я от природы бездарна». «Я уже не помню, о чем я начала говорить, потому что заговорила совсем о другом, но не сомневаюсь, что этого хотел Господь. Я никогда не думала написать то, что написала». «Пусть же сам Господь водит моей рукой». «Духу Святому себя поручаю: пусть Он сам говорит моими устами». Эта молитва св. Терезы исполнилась: лучшее в ее писаниях — не то, что сама она говорит, а то, что говорит через нее Дух».^[13]

Тереза Авильская оставила глубокий след не только в испанской, но и в русской литературе. Полина Федорова в статье «Рецепция творчества и личности Терезы Авильской в России» довольно детально показала влияние творчества Терезы на русскую литературу. Она писала: «О ней (о Терезе) писали Лев Карсавин, Алексей Лосев, Николай Бердяев, Лев Шестов. Два первых противопостав-

ляли католическую духовность (и святую Терезу как наиболее яркого и характерного представителя) православному молитвенному опыту, называя ее «истерией» или «мистическим блудом». Николай Бердяев делал то же самое противопоставление, но приходил к выводу о неполноте православного и католического духовного опыта друг без друга. Шестов же приводил Терезу и святого Хуана де ла Крус как образец «безумного» смирения, противоречащего всем законам очевидности и воспаряющего над плоским рационализмом. Любому обывателю, писал Шестов в книге «Власть ключей», ясно, что Тереса и Хуан не могли быть худшими из людей, но они считали именно так, и это нельзя считать ни правдой, ни ложью в обыденном, рациональном понимании, но это правда духовного опыта».^[14]

В этой же статье П. Федорова приводит многочисленные переводы испанского мистика на русский язык и показывает ее влияние на поэтов и писателей Серебряного века, а также подробно рассказывает об аллюзиях на творчество Терезы у Максимилиана Волошина и Елизаветы Дмитриевой.

Вот перевод «Сонета святой Терезы»,^[15] сделанный Иваном Козловым в 1828 году и включенный в хрестоматию для высших классов гимназий:

Любовью дух кипит к Тебе, Спаситель мой,
 Не радостных небес желаньем увлеченный,
 Не ада мрачного огнями уstraшенный
 И не за бездны благ, мне данные Тобой.

^[13] Мережковский Д.С. Св. Тереса Иисуса // Мережковский Д.С. Реформаторы. Испанские мистики. — М.: Республика, 2002. — С. 313 — 386.

^[14] <http://paulinefe.ru/index.php/criticism/88-theresa>

^[15] Авторство этого сонета доподлинно неизвестно. Некоторые считают, что он написан Игнатием Лойолой, другие исследователи приписывают его другим мистикам.

В Тебе люблю Тебя; с любовью святой
 Гляжу, как на кресте Сын Божий, утомленный,
 Висит измученный, висит окровавленный,
 Как тяжело умирал пред буйною толпой!

И жар таинственный мне в сердце проникает;
 Без рая светлого пленил бы Ты меня;
 Ты б страхом был моим без вечного огня!
 Подобную любовь какая цель рождает?

Душа в любви к Тебе надежд святых полна,
 Но так же и без них любила бы она!

Часто восторженные и страстные стихи Терезы Авильской переводили на русский язык женщины-поэтессы. Например, стих, написанный Терезой на текст из книги Песнь Песней: *“Да лобзает Он меня лобзанием уст своих.”* (П. Песней 1:1) в переводе Аделаиды Герцык звучит так:

Любовью ранена, моля пощады, —
 Переступила я святой порог,
 Пред духом пали все преграды —
 Открылся брачный, огненный чертог.

И все отверзлось пред вратами взгляда,
 Я зрела небеса в последний срок —
 И встало темное виденье ада
 И свет познания мне душу сжег.

А Он, Супруг, объемля благодатью,
 Пронзая сердце огненным копьем —
 «Я весь в тебе — не думай ни о чем!» —

Сказал. И в миг разлучного объятья
 Прижал к устам мне уст Своих печать:
 «Мужайся, дочь, мы встретимся опять!»

А вот короткое стихотворение Терезы в переводе Елизаветы Дмитриевой:

Счастливо сердце, любовью горящее,
 В Бога вложившее все помышления;
 Видит оно, позабыв преходящее,
 В Нем свою силу, свои наслаждения.

Гаснет в нем жизни желанье томящее,
 В Боге одном завершались стремления.
 Сердце проходит без страха и горя
 Даже чрез волны тревожного моря.

Сочинения Терезы Авильской на русском языке можно найти в следующих изданиях:

- Внутренний замок. — Брюссель, 1992.
- Внутренний замок / Пер. с исп. — М., 2000.
- Книга жизни / Пер., коммент.: О.И. Варьяш, Ю.П. Зарецкий // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2003. — Вып. 5.
- Размышления о «Песне песней» // Подвижники: Избранные жизнеописания и труды. — Самара: АГНИ, 1998. Кн. 2. То же: Символ. — Paris, 1985. — № 14.
- Стихи // Иностранная литература. — М., 1993. — № 11.

Наиболее основательными работами на русском языке, посвященными жизни и творчеству Терезы Авильской, несомненно, являются:

- Мережковский Д.С. Св. Тереса Иисуса // Мережковский Д.С. Реформаторы. Испанские мистики. — М.: Республика, 2002. — С. 313 — 386.
- Сикари А. Портреты святых. — Милан: «Христианская Россия» — Италия, 1987. — Т. 2. — С. 40—59.
- Боткин С. Святая Тереса^[16] // Вестник Европы. — СПб., 1915. — №8 (частично).

Также о ней написано много статей. Вот некоторые из них:

- Багно В.Е. Безумие перед Богом, или Мистический блуд // Начало века. Из истории международных связей русской литературы. — СПб.: Наука, 2000.
- Баринаева Е. Тереза Авильская // НиР. — 1993. — № 3.
- Беля С. Достаточно лишь Бога. — Минск: Pro Christo, 2002.
- Бросс, Жак. Духовные учителя / Пер. с франц. — СПб.: Академический проект, 1998. — С. 274—275.
- Варьяш О.Н., Зарецкий Ю.П. Св. Тереза Авильская и ее «Книга жизни» // Вестник Университета Российской академии образования. — М., 1997. — № 2.
- Гелескул А. Поэзия испанских мистиков // Иностранная литература. — М., 1993. — № 11.
- Зарецкий Ю.П. Тайна монахини: о сказанном и несказанном «Книгой жизни» Терезы Авильской // De mulieribus illustribus. Судьбы и образы женщин средневековья. — СПб.: Алетейя, 2001.
- Рено Э. Тереза Авильская // Логос. — Париж; Брюссель, 1971. — № 1.
- Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Трансперсональные состояния и психотехника. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 349—351.

*Материал подготовил
С. В. Санников*

^[16] К сожалению, наиболее объемная книга русского испаниста Сергея Боткина, посвященная Терезе («Святая Тереза и ее литературное творчество») не была опубликована в связи с революцией и не опубликована до настоящего времени.